В.О. Бобровников, А.Р. Наврузов, Ш.Ш. Шихалиев

Исламское образование в Дагестане от «перестройки» до наших дней

Легализация религии, произошедшая в России в последние годы существования Советского Союза, и последующий исламский бум вызвали восстановление открытого преподавания исламских дисциплин на Северном Кавказе и в других мусульманских регионах страны. Исламское образование вступило в новый этап своей истории. Довольно своеобразно его судьба сложилась в Дагестане, одном из важных исламских центров постсоветской России. Постсоветская мусульманская школа в целом еще не была предметом специального исламоведческого исследования на русском языке. Интерес к ней среди историков, социологов, востоковедов растет. Отдельные вопросы исламского образования в Дагестане XX в. затрагивались в работах Г.Ш. Каймаразова, Г.И. Какагасанова, Д.В. Макарова, А.А. Ярлыкапова, авторов настоящей статьи [Каймаразов, 2001; Какагасанов, 2001; Макаров, 2000; Bobrovnikov, 2001; Ярлыкапов, 2003; Наврузов, 2010; Islamic education, 2010]. Появился ряд небольших, но информативных работ К.М. Ханбабаева. Он написал также несколько обзорных работ о шейхах и *вирд*ах в постсоветском Дагестане [Религии и религиозные организации, 2001; Ханбабаев, 2002 (1); Ханбабаев, 2010]. Большинство имеющихся публикаций касалось, однако, не системы исламского образования как такового, а его политического использования и социальной составляющей. Плохо изучен сложный вопрос об отношении постсоветского исламского образования к суфизму. Вместе с тем накоплен немалый и пока мало исследованный комплекс источников. Опираясь на результаты наших полевых исследований первой половины 2000-х годов по проекту Фонда Фольксвагена «Исламское образование в Советском Союзе и на постсоветском пространстве»[1],

1 | Проект 2002–2004 гг. под руководством профессора Рауля Мотики (Университет Гамбурга). Авторы выражают искреннюю признательность руководителю проекта за любезное разрешение опубликовать расширенную русскую версию очерка, изданного недавно в книге *Islamic Education in the Soviet Union and the Commonwealth of Independent States* / Ed. by M. Kemper, R. Motika, S. Reichmuth. L., Routledge, 2010. Настоящая публикация завершает цикл статей о мусульманской школе в Дагестане XX в., опубликованных в журнале «Мир ислама» (2009, № 1, с. 126–144; 2010, № 1, с. 72–94).

мы представляем в данной работе обзор истории развития мусульманской школы в современном Дагестане на протяжении последней четверти века, прежде всего в лучше документированный период середины 1980-х — 1990-х годов.

Легализация мусульманской школы в «перестройку» (1985–1991)

Политика государства по отношению к исламскому образованию и вообще религии резко изменилась уже в первые годы после того, как в марте 1985 г. первым секретарем ЦК КПСС стал М.С. Горбачев. Был взят новый курс — на перестройку и демократизацию политического режима. Общая либерализация конфессиональной политики государства сказалась сначала в отношении к Русской православной церкви (далее — РПЦ). В 1988 г. в Москве и в целом по стране широко отмечались юбилейные торжества 1000-летия крещения Руси. Представители РПЦ и других конфессий наряду со всеми гражданами получили возможность участвовать в общественной жизни страны. Были зарегистрированы новые приходы, открылась часть закрытых храмов, появились новые духовные учебные заведения. Резко выросли тиражи религиозной литературы. К 1990 г. перестройка докатилась до Дагестана. Решающую роль здесь сыграла подготовка нового общесоюзного закона «О свободе совести и религиозных организациях». Он был принят Верховным Советом СССР 2 октября 1990 г.

Закон отменил запрет на религиозную пропаганду, разрешил обучение религии частным образом, в том числе в специальных учебных заведениях. Впервые в истории советского общества религиозные организации получили полные права юридического лица. Были значительно расширены права религиозных организаций и граждан, связанные со свободой совести. По существу, впервые после 1917 г. свобода совести для граждан СССР не только провозглашалась, но и получала реальные политические, юридические, материальные гарантии. При этом в нем сохранялись основные демократические положения декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918): запрет дискриминации граждан по религиозному признаку, равенство прав перед законом всех вероисповеданий, светский характер государства, отделение церкви от государства и государственной школы от церкви.

Те же свободы даровали верующим закон РСФСР «О свободе вероисповедания» от 25 октября 1990 г. и дагестанский закон «О свободе совести и религиозных организациях», принятый Верховным Советом ДАССР 5 мая 1991 г. [подробный сравнительный анализ федерального и дагестанского законодательства о свободе совести см.: Бобровников, 2001, с. 232–266]. По ст. 5, «все религии и вероисповедания равны перед законом… Государство не финансирует… деятель-

ность по пропаганде атеизма». Граждане республики могли получать «религиозное образование на языке по своему выбору индивидуально или совместно с другими» (ст. 6), а религиозные управления — создавать духовные школы (ст. 15). Льготы светских вузов распространялись на духовные (отсрочка от призыва в армию, налоги, трудовой стаж, ст. 15). За религиозными организациями признавались права юридических лиц (ст. 17). Они могли иметь собственность (ст. 23), заниматься производственной деятельностью (ст. 24). Им дозволялось иметь, производить, импортировать и экспортировать религиозную литературу (ст. 27), выезды за границу для паломничества и посылать туда граждан «для обучения в духовных учебных заведениях» (ст. 29). Закон позволял вести в Дагестане миссионерскую деятельность (ст. 11, 29) [Дагестан, 1994, с. 107–116].

Признание свободы вероисповедания сопровождалось исламским подъемом. Им были охвачены в основном Средний и Северный Дагестан — города Махачкала, Хасавюрт, Кизилюрт, а также аварские (включая андо-цезские), даргинские и кумыкские селения в горах и на равнине (в том числе переселенческие поселки горцев). Переломным стал 1990 г. Массовыми тиражами стали распространяться Коран и миссионерская исламская литература (*да‘ва*). Началось стихийное строительство мечетей и молельных домов. По весьма примерным оценкам, число открытых мечетей за 1990 г. выросло до 200, а к концу 1991 г. их стало более 600. При мечетях и в домах отдельных ‘алимов открывались исламские школы и курсы. Только в Хасавюрте в сентябре 1992 г. работало около 80 кружков по изучению начал ислама и арабского языка. Шейхи суфийских братств, освободившись от контроля со стороны КГБ, значительно расширили область своего влияния. Особенно сильно распространились *вирд*ы ветви накшбандиййа-махмудиййа — шазилиййа. С 1990 г. возобновился массовый *хаджж* (345 чел.). В следующем году в *хаджж* выехали уже 889 дагестанцев (746 мужчин и 143 женщины, в том числе 404 аварца, 270 даргинцев, 180 кумыков и 35 лиц других национальностей) [Дагестан, 1994, с. 312].

Рубеж 1980–1990-х годов оказался переломным для существования советской власти. По договору между Россией, Украиной и Белоруссией от 8 декабря 1991 г. СССР был распущен, уступив место Содружеству независимых государств (СНГ). Дагестан остался в составе Российской Федерации (РФ). Вместе с Союзом исчезли единые органы государственного управления религиозными объединениями, в первую очередь Совет по делам религий (1991). Духовное управление мусульман Северного Кавказа (далее: ДУМСК) и три других региональных муфтията распались. 13 мая 1989 г. в джума-мечети г. Буйнакска состоялась конференция, созванная группой оппозиционных мусульманских активистов из Дагестана и Чечни во главе с Зайдуллой Алибековым из Махачкалы. Последний, четвертый *муфтий* ДУМСК балкарец Махмуд Геккиев, занимавший этот пост с 1978 г., был низло-

жен. С 15 мая по 10 июля 1989 г. исполняющим обязанности *муфтия* был имам мечети с. Тарки кумык Мухаммед-Мухтар Бабатов. Его сменил даргинский *'алим* Абдулла-хаджжи Алигаджиев, внук известного накшбандийского шейха 'Али-Хаджжи Акушинского (ум. 1930), а в конце октября 1989 г. — председатель кооператива по переработке сельскохозяйственной продукции «Дары земли», в прошлом один из руководящих работников производственных объединений «Дагвино» и «Дагнефть» А.М. Магомедов (нынешний глава Управления по делам религий при Министерстве по делам религий и внешних связей РД, далее: УДР). На съезде мусульман Северного Кавказа 27 января 1990 г. *муфтием* был избран имам Центральной мечети г. Махачкала (на ул. Малыгина) кумык Багаутдин Исаев. Но уже в начале 1992 г. он был низложен, и Внеочередной съезд мусульман Северного Кавказа избрал 2 марта 1992 г. *муфтием* Дагестана аварца Саид-Ахмеда Дарбишгаджиева [Абхаликов, б.г. Л. 1–7]. Уже к 1990 г. из ДУМСК выделились республиканские Духовные управления мусульман (ДУМ) Чечено-Ингушетии (1989, муфтий Шахид-гаджи Газабаев), Кабардино-Балкарии (1989, муфтий Шафик Пшихачев), Северной Осетии-Алании (1990, муфтий Дзанхот-гаджи Хакилаев), Карачаево-Черкесии и Ставропольского края (1990, муфтий Исмаил Бердиев) [2].

Реисламизация республики

Создание собственного муфтията в Дагестане шло одновременно с формированием постсоветской государственности. 26 июля 1994 г. была принята новая Конституция Дагестана. Она подтвердила светский характер власти, равенство религий и свободу совести (ст. 16, 30), уже декларированные законом «О свободе совести и религиозных организациях» (1991). В том же году Верховный Совет республики был заменен новым парламентом — Народным Собранием (с 2010 г. его возглавляет М. Магомедсултанов). Последнее формирует коллегиальный руководящий орган — Государственный Совет (распущен весной 2006 г. после введения в Дагестане поста президента республики). 23 декабря 1993 г. при Правительстве РД было создано Управление по делам религий, некоторое время называвшееся затем Комитетом по делам религий). В его обязанности входит консультирование правительства по религиозным вопросам, разработка и совершенствование законодательства о культах, налаживание отношений с религиозными объединениями, координация работы органов по делам религий при правительствах РД, РФ и администрации Президента РФ [Дагестанская правда, 27.01.1994; Религии и религиозные организации, 2001, с. 89–93].

2 | В начале 90-х годов большинство из этих муфтиев лишились своих постов, а часть республиканских ДУ распалась далее на муфтияты, образованные по этническому и территориальному признаку. Историю создания муфтиятов постсоветского Северного Кавказа см.: Кудрявцев, 1995, с. 154–175; Мусульманские духовные организации, 1999, с. 18–23, 30–31, 83–84.

Духовное управление мусульман Дагестана (далее: ДУМД) возникло после упомянутого выше второго съезда мусульман Северного Кавказа. Оно зарегистрировано в Махачкале (ул. Алиева, 2) 26 марта 1992 г. Возглавил его ректор Исламского института в Кизилюрте аварец Саид-Ахмед Дарбишгаджиев. Ключевые посты в муфтияте заняли аварцы, в основном *мурид*ы накшбандийского и шазилийского шейха Саида-афанди (Ацаева) из с. Чиркей. Тогда же от ДУМД откололись «национальные» Кумыкское духовное управление (КДУМ) в Махачкале во главе с бывшим и.о. муфтия ДУМСК Б. Исаевым и Духовное возрождение лакского народа во главе с Гасаном Гасаном в Буйнакске. КДУМ было образовано 25 апреля 1992 г. на съезде мусульман кумыкского народа (зарегистрировано 16 июля 1992), а второе еще раньше, 12 марта 1992 г. 3 апреля 1993 г. на съезде мусульман даргинского народа в Махачкале учредили даргинский Казият под руководством А. Алигаджиева (г. Избербаш). В том же году на съезде мусульман Южного Дагестана был избран еще один *муфтий* — имам мечети г. Дагестанские Огни Мавледин Латиков [Абхаликов, б.г. Л. 6–7]. Последний, шестой муфтият появился в 1999 г. в с. Терекли-Мектеб. Это Духовное управление мусульман Ногайского района РД (председатель А. Арсланов) [Бобровников, 2006, с. 122].

Но еще раньше, при энергичном муфтии Саид-Мухаммеде Абубакарове «аварскому» ДУМД удалось нейтрализовать соперничающие ДУ, которые не прошли перерегистрацию 1994 г. «Ногайский» муфтият пока никак себя не проявил. В этих условиях ДУМД вернуло себе республиканский статус.

Оно имеет иерархическую структуру. Его центральный аппарат (Махачкала, ул. Алиева, 2) включает *муфтия*, восемь его заместителей (в том числе четырех — по каноническим вопросам), помощника, пресс-секретаря и шесть отделов: учебный, исламского призыва (*да‘ва*), *хаджж*а, международный, компьютерный и хозяйственный [Религии и религиозные организации, 2001, с. 94–95]. По уставу, муфтия раз в три года избирает съезд мусульман Дагестана, но так как с 1993 г. съезды не созывались, эта функция de facto давно перешла к Совету *алим*ов ДУМД (председатель шейх Арсланали Гамзатов). После гибели С.-М. Абубакарова (в ходе теракта 21 августа 1998 г.) обязанности муфтия Дагестана выполняет Ахмед-хаджжи Абдуллаев. Через трехступенчатые Советы алимов (*шура*) муфтият поддерживает связи с сельскими и городскими мечетными общинами и их представителями в районах. Главной функцией муфтията является организация ежегодного *хаджж*а и *‘умра*. Это приносит ему немалый и постоянный доход от дагестанских паломников, которые составляют большинство *хаджжи* из РФ. Уже в 1995 г. их было 9398 человек, в 1996-м — 12525, в 1997-м — 12208, в 1998-м — 13268. В начале 2000-х годов количество паломников сократилось вдвое, но имеет устойчивую тенденцию к повышению. В 2009 г. квота паломников из Дагестана равнялась 6000, в 2010 г.

она выросла до 8000 человек из 20 500 мест, выделенных для российских *хаджжи* властями Саудовской Аравии. Это самая большая в России квота на *хаджж*. По данным Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям РД, число дагестанских паломников в 2009 г. в реальности достигло 16 тысяч [Кавказский узел, 09.06.2010, 03.09.2010].

Большое внимание ДУМД уделяет работе со СМИ. Издания муфтията выдержали проверку временем. Если в первой половине 90-х годов в республике выходил целый ряд газет и журналов, печатавшихся в Махачкале, Хасавюрте, Кизилюрте, Москве («Исламские новости», «Путь ислама», «Знамя ислама», «*Халиф*», «Мусульмане» и др.), то к 2003 г. из них сохранилось только три газеты — «*Ас-салам*» (гл. редактор П. Гамзатова, 7500–11 000 экз.), «*Нур-ул-ислам*» (с 1997, редактор М. Гаджиев, 5900 экз.), и «*Исламский вестник*» (редактор М. Гамзатов, 15 000 экз.). Первая представляет собой официальный орган муфтията, а вторая очень близка к нему по ориентации. Обе они выходят на аварском (основной тираж) и на русском, а «*Ас-салам*» также на даргинском, кумыкском и лезгинском языках. Электронные версии обеих газет регулярно издаются в Интернете (www. assalam. dgu.ru; www. nur-islam.ru), где ДУМД также представлена на двух сайтах (www. islam.ru; www. sufism. chat.ru)[3]. Передачи ДУМД на русском языке в программе «Мир вашему дому» дважды в неделю транслируются по дагестанскому телевидению на исламском канале «ТВ-Махачкала». Есть и программы исламского радиовещания.

Учебный отдел муфтията (заведующий А. Магомедов) контролирует целый ряд исламских учебных заведений, от *мактаб*ов до исламских вузов, выпускники которых становятся чтецами Корана, *му'аззин*ами, имамами мечетей, *кади* и *мударрис*ами. Кроме того, ДУМД занимается миссионерской деятельностью, в основном среди переселенческого русскоязычного населения республики. Ею занимается Отдел исламского призыва (заведующий Хасмухаммед Абубакаров, отец покойного муфтия и председатель Совета алимов Центральной мечети г. Махачкалы). При муфтияте действует Союз новообращенных мусульман (председатель Магомедали/Дмитрий Тверитинов). Интересно, что для членов союза обращение в ислам, как правило, связывается с принятием шазилийского *вирд*а тариката, шейхом которого является Саид-афанди Чиркейский. Наконец, важное значение ДУМД придает регистрации мечетей и налаживанию связей с мечетными общинами.

По числу последних постсоветский Дагестан намного превосходит другие субъекты РФ. Процесс их возникновения носил здесь стихийный лавинообразный характер. В его потоке исчезли остатки цент-

3 | Islam.ru — независимый исламский информационный канал, выпускаемый Фондами им. Саййидмухаммада Абубакарова и «Ансар» при попечительстве ДУМД. Считается самым популярным исламским сайтом русскоязычного Интернета. Статистика посещений, по данным Рамблера: заглавной страницы в день 200–300, весь сайт 400–500 в день, около 11 тыс. посещений в месяц. Это единственный исламский сайт Рунета, попавший в рейтинг популярности Рамблера. Второй сайт специализируется по суфийской тематике.

рализованных советских учреждений, ведавших контролем мусульманских организаций. Цифры говорят за себя. За один 1992 г. в РД появилось около 200 новых мечетей. К началу 1998 г. было зарегистрировано уже 1557 мусульманских общин (*джама'ат*ов), к лету 1999 г. их число в РД выросло до 1700, пятничных мечетей стало 965, а квартальных — 464. Особенно активное строительство мечетей шло в 1996–1998 гг., когда строилось по 100–200 мечетей в год. Тогда же при помощи архитекторов и строителей из Турции была построена крупнейшая на Северном Кавказе новая Центральная мечеть Махачкалы вместимостью 7,5 тыс. человек. К концу 90-х годов темпы строительства несколько упали. В 2000–2002 гг. в Дагестане было построено только 53 мечети. Только в одной Махачкале насчитывается ныне 74 мечети, из которых 34 — джума. На 1 января 2007 г. в республике было зарегистрировано 1910 религиозных объединений, в том числе 1891 община мусульман-суннитов, 1107 суннитских джума-мечетей, 642 квартальные мечети, 162 молитвенных дома, которые обслуживали более 2500 имамов, *му'аззин*ов и других представителей мусульманской духовной элиты [Общие сведения о количестве религиозных объединений, 01.01.2007[4]]. Кроме того, в селах и городах республики открылось несколько тысяч заново построенных молельных домов (*кул'а*).

Наряду с суннитскими общинами в постсоветское время росли и шиитские. До 1988 г. в республике была зарегистрирована всего одна мечетная община шиитов-иснаашаритов при джума-мечети г. Дербента. На 1 января 2007 г. в республике действовало уже 20 шиитских религиозных обществ (в том числе 7 пятничных и 6 квартальных мечетей, 7 молитвенных домов). Большинство из них сосредоточено в Дербенте (10 общин), по одному — в Махачкале, Кизляре, Буйнакске и Хасавюрте. Шиитских учебных заведений в постсоветском Дагестане не зафиксировано [Общие сведения о количестве религиозных объединений, 01.01.2007]. К концу 2010 г. эти показатели существенно не изменились.

Быстрый рост мечетных общин остро поставил вопрос о подготовке кадров мусульманской духовной элиты. В республике до сих пор ощущается острая нехватка грамотных имамов, *кади* и даже квалифицированных *му'аззин*ов. Используя самые разные каналы — направления ДУМД, российских политических движений (Союза мусульман России, *Нур* и других), гранты исламских фондов (ВАМИ, ал-Харамайн и прочие), даже туристические путевки, — молодежь начала выезжать учиться за рубеж. По оценкам УДР, примерно 1000–1200 дагестанцев учились в конце 1990-х годов в исламских учебных заведениях Ближнего и Переднего Востока. В начале 2000-х годов распределение дагестанских *мута'аллим*ов, по подсчетам социолога К.М. Ханбабаева, было следующим. Из них 220 училось в Сирии, 120 — в Турции (по

4 | Авторы выражают благодарность заместителю министра по делам религий и внешних связей К.М. Ханбабаеву, сотрудникам Управления Правительства РД по делам религий Якубову и И.Р. Шихзадаевой за любезно предоставленные статистические данные.

направлениям ДУМД), 200 — в Пакистане, 160 — в Египте (в основном в университете ал-Азхар), 60 — в Саудовской Аравии (университет Медины и другие), 50 — в Малайзии, 35 — в Иране, 20 — в Тунисе (университет аз-Зайтун), 10 — в Иордании, 8 — в Кувейте, 10 — в Ливии, 5 — в ОАЭ и по одному человеку в вузах Судана, Ирака и Катара [Ханбабаев, 2002 (1), с. 119][5]. Точной статистики дагестанских студентов за рубежом нет. Кроме того, в первой половине 1990-х годов в Дагестане возникла сеть курсов, школ, «центров знания», созданных зарубежными миссионерскими организациями. Летом 1997 г. Дагестан посетил накшбандийский шейх Мухаммед Назим Киприотский. К 2003 г. в республике появилось два его *халифа*.

В этих условиях у ДУМД появилось немало соперников, как среди зарубежных миссионеров, так и в самом Дагестане. Сложные отношения сложились между *мурид*ами Саида-афанди Чиркейского и последователями других суфийских шейхов, которые открыто возобновили свою деятельность в постсоветское время. Сегодня в Дагестане существует две ветви братства накшбандиййа: 1) махмудиййа (с которой соединяется и тарикат шазилиййа), идущая от Исмаила Кюрдамирского через Мухаммед Салиха Ширванского — Махмуда ал-Алмали до Саида-афанди (шазилийская *силсила* сливается с ней, начиная с Сайпулы-кади Башларова и Хасана Кахибского); 2) накшбандиййа-халидиййа, которая восходит к ‘Абд ар-Рахману Согратлинскому, затем к Мухаммаду ал-Яраги, а от него — опять к Исмаилу Кюрдамирскому. Уже в конце XIX в. шейхи двух этих ветвей соперничали друг с другом. Между ними есть несогласия по вопросам вступления в *тарикат*, совершения *зикр*а, *рабита* и других суфийских практик и обрядов. На северо-западе Дагестана распространены последователи кадириййа.

В Дагестане действуют 19 шейхов. Особенностью местных форм суфизма остается переплетение линий накшбандийского и шазилийского *тарикат*ов. Некоторые шейхи линии махмудиййа-шазилиййа учат своих последователей сразу по двум тарикатам. При этом учение и практики шазилиййа рассматриваются ими как подготовительный этап, после которого отдельные *мурид*ы могут продолжить постижение накшбандийского *тарикат*а. По степени влияния наиболее активных в постсоветское время дагестанских шейхов можно расположить в следующем порядке:

Шейхи ветви накшбандиййа-махмудиййа-шазилиййа:

Саид-афанди (Ацаев) Чиркейский, 1937 года рождения, аварец. Проживает в с. Новый Чиркей Буйнакского района. *Иджазу* получил в 1985 г. от Месеясул Мухаммеда Хучадинского из с. Нечаевка

5 | В развитии отношений с зарубежными исламскими центрами ДУМД традиционно ориентируется на Турцию и Сирию. В Сирии заканчивал свое обучение покойный муфтий республики С.-М. Абубакаров. В 1996–2001 гг. при финансовой поддержке ДУМД и лично С.-М. Абубакарова были изданы труды накшбандийского и шазилийского шейха Хасана Хилми ал-Кахи и ряд других арабских сочинений дагестанских *‘алим*ов советского времени.

Кизилюртовского района. Многие из его многочисленных *мурид*ов работают имамами мечетей, *мударрис*ами *мактаб*ов, *мадраса* и исламских вузов РД в разных районах и городах республики.

Бадрудин (Кадыров) Ботлихский, аварец (1919–2003). Шейх по братствам накшбандиййа и шазилиййа, имевший несколько тысяч последователей в его родном Ботлихском, а также в других аварских районах — Ахвахском и Хунзахском.

Мансурил Мухаммед (Курбанов), 1943 года рождения, аварец. Проживает в с. Инхело Ботлихского района. *Иджазу* накшбандийского тариката получил от Бадрудина Ботлихского (1919–2003). Имеет несколько тысяч *мурид*ов в Горном Дагестане, прежде входивших в *вирд* назад Бадрудина Ботлихского.

Арсланали-афанди (Гамзатов) Параульский, 1954 года рождения, кумык из с. Параул Карабудахкентского района. *Иджазу* шазилийского тариката получил в 1991 г. от Саида-афанди Чиркейского. Не является шейхом накшбандийского тариката. Проживает в г. Буйнакске. Председатель Совета алимов ДУМД, ректор Исламского университета им. Сайпулы-Кади (Буйнакск). Имеет более тысячи *мурид*ов.

Абдулвахид-афанди Какамахинский, 1933 года рождения, даргинец. Проживает в с. Какамахи Левашинского района. *Иджазу* шазилийского тариката получил в 1995 г. от Саида-афанди Чиркейского. Не является шейхом накшбандийского тариката.

Гази-Мухаммед (Рамазанов) Гимринский, (1948–2009), аварец из с. Гимры Унцукульского района. *Иджазу* получил от Мухаммеда Абдуразакова из с. Гоор Гунибского района и Ибрагимхалила Тидибского. Бывший председатель Совета алимов Унцукульского района.

Тажудин (Рамазанов) Хасавюртовский, аварец (1919–2001). Родом из с. Ашали. *Иджаз*у получил в 1964 г. Имел несколько тысяч *мурид*ов в г. Хасавюрте, Хасавюртовском, Ахвахском и Цумадинском районах, а также среди переселенцев из этих мест, проживающих в Кизилюртовском районе.

Мухаммед Рабаданов, 1958 года рождения, даргинец из с. Ново-Костек Хасавюртовского района. *Иджазу* получил в сентябре 2001 г. от Тажудина Хасавюртовского. Имам пятничной мечети села. Имеет около несколько тысяч *мурид*ов.

Гамбулат (Тагиров) Муцалаульский, 1944 года рождения, аварец. Проживает в с. Муцалаул Хасавюртовского района. *Иджазу* получил в сентябре 2001 г. от Тажудина Хасавюртовского. Имам пятничной мечети селения.

Шейхи ветви накшбандиййа-халидиййа:

Серажутдин-афанди (Исрафилов) Хурикский, 1956 года рождения, табасаранец. Родился и проживает в с. Хурик Табасаранского района. *Иджазу* получил в 1989 г. от Абдуллы Курихского (ум. в конце 90-х годов XX в.). Имеет немало *мурид*ов в разных районах и городах Южного Дагестана.

Мухаммед-Мухтар Бабатов, 1954 года рождения, кумык из г. Махачкала. Проживает в пос. Кяхулай, где работает имамом пятничной мечети селения. *Иджазу* получил в 1997 г. от Мухаммеда-Амина (Гаджиева). Имеет несколько тысяч *мурид*ов.

Мухаммед-Хаджжи (Гаджиев) Каякентский, 1956 года рождения, даргинец из с. Каякент Каякентского района. Проживает в с. Параул Карабудахкентского района. *Иджазу* получил от своего отца Мухаммеда-Амина (Гаджиева, ум. 1999). Проректор Исламского Университета им. имама аш-Шафи‘и. Имеет несколько тысяч *мурид*ов.

Абдулвахид (Магомедов) Апшинский, 1950 года рождения, аварец из с. Апши Буйнакского района. Проживает в г. Махачкале. *Иджазу* получил в 1997 г. от Мухаммеда Назима Киприотского.

Ильяс-хаджжи Ильясов, 1947 года рождения, кумык из с. Аданак Карабудахкентского района. Проживает в г. Махачкале. *Иджазу* получил в 1998 г. от Мухаммеда-Амина.

Пата-Мухаммед Доргелинский, кумык из с. Доргели Карабудахкентского района, преемник Мухаджира Акаева из Доргели (1933–2008). *Иджазу* получил в 1997 г. от Мухаммеда Назима Киприотского.

Муртазали (Карачаев) Таркинский, 1949 года рождения, кумык. Родился и проживает в пос. Тарки. *Иджазу* получил 18 февраля 2001 г. от Мухаммеда Назима Киприотского. Ректор Исламского Университета им. имама аш-Шафи‘и.

Шейх братства кадирийя:

Мухаммед-Хабиб (Рамазанов) Ботлихский, 1947 года рождения, аварец из с. Ботлих Ботлихского района. Проживает в г. Хасавюрт. *Иджазу* получил от Хабибулы Рацили. Проректор Исламского Университета им. Саидбега Даитова.

Кроме последователей ныне здравствующих шейхов в республике существует немало обособленных друг от друга *вирд*ов, члены которых по семейным и иным традициям почитают своими *мурши*дами умерших или погибших шейхов XIX–XX вв. Наиболее крупные из них общины группируются вокруг известных шейхов времен Кавказской войны и советских антиисламских гонений. Это кадирийские шейхи Кунта-Хаджи Кишиев (ум. 1867?) в Хасавюртовском и Вис-Хаджи Зангиев (ум. 1973) в Новолакском районах; накшбандийские шейхи Мухаммед из с. Обода (1828–1889/90) в Хунзахском районе, Мухаммеда из с. Балахани (ум. 1921) — в Унцукульском и Хунзахском районах, ‘Али-Хаджжи Акушинский (ум. 1930) — в Акушинском районе и г. Избербаш, Амай Хидирлезов (ум. в конце 30-х годов XX в.) в Буйнакском, Бабаюртовском и Карабудахкентском районах, Мухаммед-Амин Гаджиев (1916–1999) в Карабудахкентском районе и г. Махачкала.

Накшбандийский *тарикат* (ветвь халидийя) распространен среди аварцев (включая андо-цезские народы), даргинцев, кумыков,

лезгин, лакцев и табасаранцев. К шазилиййа (включая ее ответвление джазулиййа) принадлежат опять же аварцы, кумыки и даргинцы. Кадирийского тариката придерживаются в основном чеченцы и андийцы. Никакой статистики суфийских групп и общин нет. Сами суфии склонны преувеличивать число своих последователей[6]. По столь же сомнительным примерным оценкам УДР, в РД более 30 тысяч членов суфийских братств, из них к ветви накшбандиййа-шазилиййа относится около 20 тысяч, около 10 тысяч — к накшбандиййа-халидиййа и примерно 1 тысяча — к кадириййа [Ханбабаев, 2002 (2), с. 31]. Более 85 % дагестанцев, вовлеченных в суфийские *вирд*ы, проживают на севере и западе Дагестана, т.е. на территориях, охваченных исламским бумом 90-х годов. Характерная для суфиев изоляция от общества, еще возросшая после советских гонений, препятствует их сближению и объединению. Некоторые из них считают своих оппонентов за «лжешейхов» (*муташайййихун*). Подобные обвинения против шейхов других *вирд*ов и ветвей братств особенно часто встречаются среди сторонников Саида-афанди.

Еще более опасными противниками муфтията стали исламские радикалы, получившие кличку *ваххабит*ов (по имени известного арабского реформатора XVIII в. Мухаммеда б. Абд ал-Ваххаба). Их движение оформилось в начале 1990-х годов на почве борьбы за власть в ДУМД. По оценкам экспертов, его поддержали 5–10 % дагестанцев [Макаров, 2000, с. 26, 30]. Выступая за очищение ислама, они обвиняли ДУМД в почитании шейхов, могил, других недозволенных новшествах (*бида*‘), а позднее за отказ от *джихад*а. Главным идеологом движения стал один из имамов и *мударрис*ов г. Кизилюрта Багаутдин Мухаммад (Магомедов). Он руководил *мадраса* ал-Хикма (1990–1999, около 700 учащихся и более десятка преподавателей), где изучались арабский язык, основы шариата (правила совершения молитвы-*намаз*а, омовений и проч.), *таухид*, ‘*акида*, Коран, *хадис*ы, *усул ад-дин*, *усул ал-фикх*. Упор делался на подготовке к *да‘ва* и обучение кругу дисциплин, связанных с шариатом. *Мадраса* финансировалась сначала местной мечетной общиной, а затем также международной благотворительной организацией ал-Харамайн. *Ваххабит*ы создали ряд общин (*джама‘ат*ов) и школ (в с. Кудали, Кадар, г. Астрахань и др.).

До 1997 г. имамы (*амир*ы) *ваххабит*ов делали ставку на исламском призыве. При помощи ВАМИ, ал-Харамайн, Тайба, ал-Игаса ал-Исламиййа, других международных исламских организаций и частных пожертвований они создали свои газеты («Знамя ислама», *Халиф*, *ал-Каф*), издательства (Сантлада, Бадр), партии и культурные центры (ал-Исламиййа, Исламский центр «Кавказ»). Выходили аудио- и видеозаписи проповедей Багаутдина и других активистов движения.

6 | Например, согласно ничем не подтвержденным данным газеты *Нур-ул-ислам*, в шазилийских *вирд*ах состоит двести тысяч *мурид*ов (Нур-ул-ислам, март 1997, № 3).

Ахмед-кади Ахтаев из с. Кудали (1942–1998), возглавлявший умеренное крыло *ваххабит*ов, главной задачей движения видел подъем разрушенной при советской власти исламской культуры Дагестана. В 1997–1998 гг. они втянулись в вооруженную борьбу России с Чечней, в которой движение было разгромлено федеральными войсками (сентябрь 1999 г.), вставшими на сторону ДУМД в этом конфликте. В Дагестане были закрыты все *мадраса*, газеты, организации *ваххабит*ов [Подробнее об истории возникновения и развития движения ваххабитов на Северном Кавказе см.: Ярлыкапов, Бобровников, 2006, с. 84–91]. Выпускавшиеся ими видео-, аудио- и печатная продукция была изъята из продажи и уничтожена. Были закрыты и все зарубежные миссии в РД.

На почве борьбы с *ваххабит*ами ДУМД сблизилось с правительством РД. Начался обратный процесс восстановления связей между религиозными и светскими властями. Правительство оказывает ДУМД финансовую помощь. Только в октябре 1998 г. ему было выделено из республиканского бюджета 250 тыс. руб. [Мусульманские духовные организации, 1999, с. 31]. Между муфтиятом, УДР, Государственным Советом и Народным Собранием РД установились постоянные контакты. В августе 1998 г. по инициативе ДУМД в Назрани создан Координационный центр мусульман Северного Кавказа (далее: КЦМСК). Его цель — борьба с «ваххабизмом» и религиозным экстремизмом, силами, «пытающимся отделить Северный Кавказ от России». Кроме ДУМД в нем объединились Духовные управления мусульман Чеченской Республики, Республики Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, Адыгеи, Северной Осетии-Алании. Председателем КЦМСК стал муфтий Ингушетии Магомед Албогачев. 17 апреля 2003 г. его сменил муфтий Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополья Исмаил-хаджжи Бердиев, в третий раз переизбранный на эту должность 22 мая 2009 г. [Кавказский узел, 22.05.2009]. КЦМСК и его члены представлены в Совете муфтиев России — высшем исполнительном органе мусульман РФ (создан 21.08.1996).

Ужесточение контроля государства за религиозными общинами отразилось в новом религиозном законодательстве. 26 сентября 1997 г. президент Б.Н. Ельцин подписал новый федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» [Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 26, 28, 39]. Основные положения закона 1990 г. сохранили силу, но права РПЦ в нем были расширены в ущерб «нетрадиционным» религиозным объединениям, т.е. тем, что появились в стране за последние 15 (перестроечных и постсоветских) лет. Теперь они должны проходить ежегодную перерегистрацию (ст. 11; 27.3). Они не имеют права на материальную и иную поддержку со стороны федеральных и республиканских властей, их священнослужители не освобождаются от военной службы,

им запрещено открывать религиозные школы и давать религиозное образование детям, проводить религиозные обряды в лечебных и исправительных учреждениях, издавать и распространять религиозную литературу, иметь при себе иностранные религиозные представительства и приглашать из-за рубежа проповедников и других религиозных деятелей (ст. 27.3; 3.4; 5. 3 и 4; 13.5; 16.3; 17. 1 и 2; 18.2; 19; 20.2).

Аналогичный закон «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях» принят Народным Собранием РД 27 декабря 1997 г. [Дагестанская правда, 30.12.1997]. Если федеральный закон лоббировала РПЦ, то его дагестанский вариант — ДУМД. Дагестанский закон не копирует текст федерального. В нем нет 15-летнего «ценза», перешагнуть который кроме РПЦ не может ни одна дагестанская религиозная организация, в том числе и ДУМД. Исламское образование разрешается только при условии получения государственной лицензии (ст. 9, п. 2). Мусульманским общинам, не зарегистрированным в ДУМД, запрещается иметь свои мечети и религиозные школы, издавать и распространять исламскую литературу, поддерживать связи с миссионерами (гл. I, ст. 4, 7; гл. III, ст. 12; гл. IV, ст. 15, 22). Не допускается регистрация более одной республиканской организации одного вероисповедания (ст. 10, п. 4), создание республиканских религиозных организаций (т.е. муфтиятов. — *В. Б.*, *А. Н.*, *Ш. Ш.*) по национальному признаку (ст. 10, п. 6). Для получения религиозного образования за рубежом требуется регистрация контракта об учебе в Минюсте РД (ст. 9, п. 5). Получить религиозное образование можно лишь на условии учебы в общеобразовательной школе (ст. 7, п. 4).

После нападения отрядов *ваххабит*ов на север Дагестана был принят закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» (16 сентября 1999 г.) [Религии и религиозные организации, 2001, с. 87–89]. Он конкретизировал ряд положений закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (1997) против «нетрадиционных» религиозных общин, отнеся к их числу *ваххабит*ов (ст. 1). Запрещалась деятельность в Дагестане экстремистских миссий, создание «ваххабитских» школ, военизированных лагерей, распространение и хранение печатных изданий, аудио- и видеоматериалов, вышедших из лагеря «ваххабитов» (ст. 1). Все религиозные организации на территории республики должны были пройти перерегистрацию в трехмесячный срок с момента ввода закона в силу (ст. 4). Закон обязывал проводить обучение в религиозных школах «по учебным программам, утвержденным органом управления республиканской религиозной организации» (т.е. ДУМД. — *В. Б.*, *А. Н.*, *Ш. Ш.*) (ст. 3). Отправляясь учиться в религиозные вузы за рубежом, нужно получать направление ДУМД по согласованию с УДР (ст. 2).

Современные институты исламского образования

Система негосударственного исламского образования, воссозданная в Дагестане за последние десятилетия, представляет собой соединение традиционной досоветской мусульманской школы и советской светской образовательной системы. Она включает четыре ступени: краткосрочные курсы по изучению основ веры и арабского языка; примечетные *мактаб*ы; *мадраса*; исламские вузы (институты, университеты).

На 1 января 2007 г. в Дагестане было учтено 94 *мактаб*а с более 700 учеников, 113 *мадраса* (около 3000 *мута'аллим*ов), 19 исламских вузов (около 2300 студентов и 14 филиалов вузов (около 250 чел). Всего в этих учреждениях училось примерно 6250 человек. Количество *мута'аллим*ов примерно поровну распределено между тремя высшими ступенями: соответственно 27,7 %, 39,5 % и 32, 8%. Начальные курсы не регистрируются, и подсчитать их число нельзя. На протяжении года, с 2005 по 2006-й, исламских вузов стало больше на 3, число филиалов при них сократилось на 19, медресе — на 38, мактабов — на 184. Общее количество обучающихся в исламских учебных заведениях в 2006 г. по сравнению с 2005 г. сократилось на 7750 человек [Исламские учебные заведения, 2007]. 9 исламских вузов из 19 имели действующие лицензии от Министерства образования РФ. Но ни один исламский вуз не имел государственной аккредитации. Общая тенденция к постепенному сокращению среднего и низшего звена исламского образования при разрастании его высшего звена наблюдается поныне, до осени 2010 г.

Исламские учебные заведения[7] есть в 40 из 42 сельских районов, в 9 из 10 городов, причем большинство, как и мечетей, действуют в Среднем и Северном Дагестане. Вузы и *мадраса* сосредоточены в городах. Из сельских районов больше всего мусульманских школ в высокогорном (аварском) Хунзахском (40). Финансирование учебных заведений нерегулярное и разнообразное: частные пожертвования (*назр*), благотворительность (включая *садака*), отчисления от *закат*а и *вакф*ных сборов, de facto возродившихся в 90-е годы, банковские кредиты, частичная оплата обучения, подсобные хозяйства. Во многих мадраса и вузах принята интернатная система обучения. Приехавшие из дальних селений и городов живут в общежитиях.

Основной контингент студентов школ всех четырех ступеней — подростки и молодежь (в основном юноши) от 12 до 23 лет. В вузах и *мадраса* городов и поселков городского типа девушки часто составляют от 25 до 50 % учащихся. В большинстве горных школ (особенно в

7 | Речь идет о суннитских исламских учебных заведениях. Исламских школ шиитского толка в Дагестане нет. Почти все местные шиитские лидеры — самоучки, получили домашнее образование. Шиитские религиозные организации находятся в городах Дербент и Махачкала (ориентация на Баку), Буйнакск (нейтральное направление, ближе к Баку, чем к Тегерану), а также в городах Кизляр и Хасавюрт (ориентация на Иран). В последнее время усиливается влияние Ирана — финансирование, направление на учебу в Иран. *Мударрис*ы и власти Азербайджана почти не участвуют в этом процессе.

аварских и даргинских районах) их нет [ср.: Ханбабаев, 2002 (1), с. 118–119]. Преподаватели в исламских учебных заведениях — их выпускники или учились в нелегальных мусульманских школах советского времени, реже — за рубежом в 1990-е годы. Нигде нет единой программы обучения. За редкими исключениями не составляются учебные планы. Большинству *мадраса* и вузов не хватает учебного инвентаря и учебной литературы. Ни в одном из учебных заведений всех четырех уровней пока почти не используются современные технические формы обучения (Интернет, компьютеры, учебное телевидение, лингафонные кабинеты) [подробнее о проблемах современных исламских учебных заведений см.: Наврузов, 2010, с. 150–164]. Сроки обучения твердо не установлены. На начальных курсах при мечетях оно занимает в среднем от нескольких недель до нескольких месяцев (осенне-зимний семестр), в *мактаб*ах — 2–3 года, в *мадраса* — 4–5, в вузах — 4–7 лет. Обучение в вузах может затягиваться и на более долгие сроки.

На начальных курсах учат грамотно читать и писать по-арабски, правильно совершать молитву (*салат*), другие основные обряды ислама. Программа *мактаб*ов включает основы арабской грамматики (*сарф, нахв*), *таджвид*, *усул ад-дин*. Подготовка кадров имамов мечетей, *кади* и *мударрис*ов осуществляется в *мадраса* и вузах. Основным циклом дисциплин на обеих ступенях остается традиционный круг исламских гуманитарных дициплин, включающий в себя *нахв* и *сарф*, *таджвид*, *таухид*, *тафсир*, хадисоведение. Кроме того, в некоторых *мадраса* и большинстве вузов изучается ряд предметов категории *манкулат* — мусульманское право (*фикх* шафиитского толка), догматика (*калам*), суфизм (*тасаввуф*). Особенностью постсоветских исламских вузов является соединение в них традиционных исламских рациональных дисциплин (*ма'кулат*) со светскими гуманитарными предметами (история, международные отношения, экономика, страноведение), которые учат по учебникам светских вузов. В некоторых вузах преподают точные и естественные науки (математика, информатика, проч.). Выпускники одних и тех же *мадраса* и исламских вузов в зависимости от прослушанных ими курсов и ступени обучения, на которой они остановились, получают одну из трех специализаций: чтец Корана (*кари'*); имам-*хатиб*, умеющий читать и переводить на родной язык исламскую литературу; *алим* — «специалист в арабо-мусульманских науках». Учебные заведения, связанные с ДУМД, имеют возможность трудоустройства своих выпускников в мечетных общинах, признающих власть муфтията.

Наиболее крупные исламские образовательные центры — Университет им. Сайпулы-Кади в Буйнакске, Северо-Кавказский Исламский Университет им. Мухаммеда 'Арипа в Махачкале, Исламский институт им. имама Навави в с. Новосеребряковка Кизлярского района. Большинство исламских вузов находится под патронажем совре-

менных шейхов. Многие из них носят имена известных суфиев. Отмеченные выше различия между двумя ветвями братства накшбандиййа отражаются на программе и методике образования. В *мадраса* и исламских вузах, придерживающихся ветви накшбандиййа-халидиййа (через ‘Абд ар-Рахмана Согратлинского), ограничиваются кратким разбором произведений Ал-Газали. В учебных заведениях, связанных с шейхами махмудиййа-шазилиййа, *тасаввуф* выделяется в отдельную дисциплину. Среди учебных пособий важное место отводится сочинениям Хасана Кахибского, Шу‘айба ал-Багини. Обучение часто связывается с введением (*талкин*) в шазилийский тарикат, который рассматривается как подготовительная ступень к накшбандиййа [Мактубат Халид Сайфуллах. 1998]. В отличие от принятого в накшбандиййа-халидиййа взгляда на *тарикат* как следующую за *шариат*ом высшую ступень знания [Шихалиев, 2006, с. 27], здесь полагают, что каждому мусульманину желательно иметь наставника-*муршид*а.

* * *

Какие выводы можно сделать из приведенных выше описаний? Какое место занимает мусульманская школа в современном дагестанском обществе? Что можно сказать о ее отношении к зарубежным исламским влияниям постсоветской эпохи и наследию дореволюционного и советского Дагестана? Прежде такой формы формального исламского образования, как мусульманский вуз, не существовало. Название (университет, институт) и русский язык преподавания, классно-поурочная система и пятилетий срок обучения, экзамены и дипломы, возрастной ценз заимствованы из багажа светской (и советской по происхождению) государственной школы второй половины XX в. Вместе с тем, как уже отмечалось, программа исламских вузов сохранила приоритеты медресе дореволюционного и раннего советского Дагестана, ряд их предметов и учебников. По свидетельству зятя имама Шамиля ‘Абд ар-Рахмана Казикумухского и его секретаря Хаджжи-Али Чохского, в первой трети XIX в. в медресе изучали те же предметы, что и в исламских вузах сегодня, причем по тем же авторам и учебным комментариям [Гаджи-Али, 1990, с. 80; Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 85].

Вместе с тем сегодня система исламского образования стала более дробной и формальной. Если до 30-х годов XX в. в ней было два-три основных уровня — домашние коранические классы (1), начальные школы по обучению грамоте (*мактаб*, 2) и небольшие специализированые колледжи-*мадраса* (3), то сегодня их пять. Это (1) краткосрочные начальные курсы по изучению основ веры и арабского языка, (2) примечетные или начальные школы (*мактаб*), (3) уподобившиеся средним государственным школам медресе, (4) исламские университеты и институты и, наконец, (5) их сельские филиалы. Первые две сту-

пени исламского образования носят временный характер. Состав их учеников часто меняется. Курсы по задачам и характеру преподавания напоминают ликбез раннего советского времени. Программа *мактабов* включает основы арабской грамматики (*ас-сарф*) и обрядовой практики ислама (*усул ад-дин*), правил чтения Корана. Медресе работают в основном при крупных пятничных (*джума*) и квартальных мечетях республики. Здесь преподают их имамы и служители (*му'аззины/будуны*). В отличие от начальных курсов и *мактабов* в медресе учат основательнее и дольше, как правило, 3–5 лет. Филалы исламских вузов по уровню преподавания можно сравнить со средними медресе. Большинство филиалов имеет к головным организациям формальное отношение, не получают из вузов ни денег, ни учебной литературы, ни преподавателей. В первой половине 2000-х годов рост численности исламских учебных заведений в Дагестане замедлился, а мактабов и исламских вузов стало даже меньше. Количество первых упало за последние 10 лет с 670 до 278. Это, похоже, говорит о стабилизации всей системы.

Если учащиеся и выпускники исламских учебных заведений принадлежат к постсоветскому поколению, то две трети (58 %) их преподавателей сложились еще в позднюю советскую, так называемую застойную, эпоху. Судя по данным, собранным в Управлении по делам религий, 42 % из них составляют мужчины 30 лет и моложе, 41 % — 30–45 лет, 14 % — 45–60 лет, 3 % — старше 60 лет. 93 % преподавателей медресе и исламских вузов имеют светское среднее и неполное среднее образование, 7% окончили светские вузы. Подавляющее большинство из них (78 %) получили законченное высшее местное исламское образование либо в нелегальных коранических кружках и у ʻалимов позднего советского времени, либо в постсоветских медресе и исламских институтах и университетах (последних довольно много — 45 из общего числа 178 преподавателей). 22 % охарактеризовали свое духовное образование как «среднее» [Исламские учебные заведения, 2007]. Преобладание среди мусульманской духовной элиты Дагестана людей, выросших в эпоху «холодной войны» и получивших местное неформальное исламское образование, предопределяет сохраняющееся среди ʻ*алимов* предубеждение против «зарубежного ислама». Большинство из них считает, что в наиболее «чистой» форме исламское знание и обычаи сохранились в XX в. в Дагестане. Преподаватели всех обследованных вузов находят учебные программы современных дагестанских медресе и вузов более совершенными и «исламскими», чем в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки. Дагестанские мударрисы принципиально не приемлют нововведений в содержании и методике религиозного преподавания.

Однако молодежь не разделяет приверженности старшего поколения к родной старине. Ведь реально уровень большинства исламских учебных заведений Дагестана сегодня низок. Профессор А.Р. Шихса-

идов совершенно верно назвал их лишь тенью знаменитых медресе, работавших тут в XVII — первой трети XX в. [Шихсаидов, 1999, с. 110]. Как учащиеся, так и мударрисы жалуются на несовершенство программ вузов. После советских гонений средний уровень дагестанских медресе был уничтожен. Кругозор и студентов, и преподавателей сузился. Сегодня они изучают лишь отдельные произведения шафиитских правоведов. Выпускники исламских вузов не в силах разобраться в основных школах *фикха*, им не известны крупнейшие мусульманские правоведы XX в. Нехватка эрудиции и общей подготовки привели к частым поражениям *'алимов*-традиционалистов в диспутах с идеологами ваххабитов в середине 1990-х годов. Все это сильно подорвало престиж традиционной местной школы исламского знания среди мусульманской молодежи Дагестана. С падением в 90-е годы XX в. «железного занавеса» несколько сотен дагестанских юношей и девушек выехали для обучения в исламских университетах Египта, Саудовской Аравии, Кувейта, Ливии, Ирака, Катара, Иордании, Сирии, Туниса, а также Турции, Ирана, Судана, Малайзии и Пакистана. Стимулом к получению исламского образования за рубежом стало стремление овладеть современным разговорным арабским, обучение которому в большинстве дагестанских исламских вузов поставлено плохо.

По прошествии более 15 лет оказалось, что для подавляющего большинства мусульманских студентов учеба за рубежом не принесла ожидаемых результатов. Не имея предварительной договоренности с арабскими вузами, дагестанцы, выехавшие на Ближний Восток самостоятельно, вынуждены были вне зависимости от уровня владения арабским языком и знаниями по основам ислама окончить перед поступлением в вузы четырехгодичные подготовительные курсы. Тем самым срок обучения автоматически вырастал до 9 лет и более. Многие дагестанцы за рубежом учились на одном курсе по нескольку лет. Не имея средств и хорошей подготовки, дагестанцы в странах Востока либо занялись бизнесом, в том числе работой с туристами из России, либо вернулись домой. Причиной возвращения нередко оказывались материальные и языковые трудности. Проблема трудоустройства серьезно беспокоит и выпускников исламских вузов Дагестана, в части которых уже состоялось до 5–7 выпусков. Однако даже выпускникам контролирующихся ДУМД университетов им. Мухаммеда 'Арипа в Махачкале и им. Сайпулы-кади в Буйнаксе нелегко устроиться по специальности. Дело в том, что большинство мусульманских общин республики, в особенности на ее юге и севере, не признает власти муфтията. Поэтому для окончивших исламские вузы сегодня более реально стать мударрисом в их филиалах и связанных с ними сельских медресе. Многие молодые выпускники, не сумев найти работу, вынуждены вновь поступать на учебу, но уже в светские вузы республики.

Не следует, конечно, думать, что исламское образование не востребовано в постсоветском обществе. Его престиж сегодня, как уже

отмечалось, весьма высок. Даже безработные выпускники исламских вузов и медресе, с которыми нам довелось беседовать, гордятся, что учились в них. Похоже, многие социальные проблемы исламских вузов происходят оттого, что их руководство тщетно пытается вернуться к дореволюционному прошлому и плохо учитывает специфику секуляризированного дагестанского общества, несмотря на то, что в самих вузах есть немало следов советских преобразований. По сути дела, они представляют собой слепок с советской высшей школы, соединенной с элементами традиционного медресе. Как следствие национальных реформ XX в., обучение в исламских вузах ведется на национальных языках Дагестана, а в университетах им. Имама аш-Шафи‘и, Сайпулы Кади и Мухаммада ‘Арипа — по-русски, что было просто немыслимо еще в советских довоенных медресе.

Отличительной чертой исламского образования в Дагестане стала его более тесная, чем прежде, связь с суфизмом. Не случайно многие вузы названы именами дагестанских суфиев XIX–XX вв. Суфийская составляющая высшей мусульманской школы, с одной стороны, создает тенденцию к монополизации исламского образования в руках сторонников наиболее влиятельного на севере и в центре республики Чиркейского шейха. С другой — она служит источником конфликтов. Постсоветское мусульманское общество раздирают споры между держателями исламской власти и знания. Если во второй половине 90-х годов они шли между сторонниками местной суфийской традиции и диссидентами-ваххабитами, пытавшимися очистить дагестанский ислам от недопустимых в исламе новшеств (*бида‘*) суфиев, то сегодня не менее напряженными стали отношения между разными суфийскими шейхами. Не признавая друг друга, они объявляют своих соперников «лжешейхами» (*муташайййихун*) или самозванцами.

Разобранный в работе пример исламских учебных заведений постсоветского Дагестана — странного слияния элементов советской общеобразовательной и высшей школы с традиционным курсом дисциплин и методик обучения дагестанского медресе — показывает, как сложно проходит тут сегодня производство и передача исламского знания. Он позволяет сделать ряд общих выводов. Не похоже, чтобы в ближайшем будущем мусульманская школа потеснила государственную. Будущее исламского образования может определяться соединением элементов светской и религионой школы, борьбой местных, общероссийских и зарубежных влияний.

Список источников и литературы

Абдурахман из Газикумуха, 1997— Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний / Факсимиле араб. текста и пер. на рус. яз. М.-С. Саидова под ред. А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.

Абхаликов, б.г. — Рукопись воспоминаний А.А. Абхаликова, ведущего специалиста Управления по делам религий // Личный архив А.А. Абхаликова (Махачкала).

Бобровников, 2001 — Бобровников В.О. Исламофобия и религиозное законодательство в постсоветском Дагестане // Этнический национализм и государственное строительство / Сб. ст. под ред. Ю.Г. Александрова. М., 2001.

Бобровников, 2006 — Бобровников В.О. Дагестан // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. М., 2006. Т. I.

Гаджи-Али, 1980 — Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1990.

Дагестан, 1993 — Дагестан: Этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника / Сост. В.Ф. Грызлов. Т. 1. М., 1993.

Дагестанская правда — Дагестанская правда, Махачкала.

Исламские учебные заведения, 2007 — Исламские учебные заведения на 01.01.2007 // Архив Управления по делам религий при Министерстве по делам национальностей, религий и внешним связям. Махачкала.

Кавказский узел — Кавказский узел: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/154465/, http://chechnya.kavkaz-uzel.ru/articles/169928/, http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/173747/, последнее посещение 11.09.2010.

Каймаразов, 2001 — Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане / Отв. ред. и сост. А.Р. Шихсаидов. М., 2001.

Какагасанов, 2001 — Какагасанов Г.И. Религиозные мусульманские (примечетские) школы Дагестана // Ислам и исламская культура в Дагестане / Отв. ред. и сост. А.Р. Шихсаидов. М., 2001.

Кудрявцев, 1995 — Кудрявцев А.В. Ислам на Северном Кавказе // Постсоветское мусульманское пространство: религия, политика, идеология / Сб. ст. под ред. В.В. Наумкина. М., 1995.

Макаров, 2000 — Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.

Мактубат Халид Сайфуллах, 1998 — Мактубат Халид Сайфуллах ила фукара' ахл Аллах. Дамаск, 1998 (на араб. яз.).

Мусульманские духовные организации, 1999 — Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. Справочник. М., 1999.

Наврузов, 2010 — Наврузов А.Р. «Зияющие высоты»: проблемы исламской высшей школы в постсоветском Дагестане // Дагестан и мусульманский Восток / Отв. ред. и сост. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., 2010.

Нур-ул-ислам — Нур-ул-ислам, Махачкала.

Общие сведения о количестве религиозных объединений, 2007 — Общие сведения о количестве религиозных объединений на 01.01.2007 // Архив Управления по делам религий при Министерстве по делам национальностей, религий и внешним связям. Махачкала.

Религии и религиозные организации, 2001 — Религии и религиозные организации в Дагестане: Справочник / Сост. под ред. К.М. Ханбабаева. Махачкала, 2001.
Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 26, 28, 39 — Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 26. Ст. 3009, № 28. Ст. 3382 и 3357, № 39, ст. 4515.
Ас-Салам — Ас-Салам, Махачкала.
Ханбабаев, 2002(1) — Ханбабаев К.М. Религиозное образование в Дагестане // Проблемы поликультурного образования в Дагестане / Под ред. К.М. Ханбабаева. Махачкала, 2002.
Ханбабаев, 2002(2) — Ханбабаев К.М. Суфизм в Дагестане: история и традиции // Дагестан — перекресток религий, культур и цивилизаций: Материалы международного семинара для российских и зарубежных журналистов 9–13 апреля 2002 года. Махачкала, 2002.
Ханбабаев, 2010 — Ханбабаев К.М. Суфийские шейхи и их последователи в современном Дагестане // Дагестан и мусульманский Восток / Отв. ред. и сост. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., 2010.
Шихалиев, 2006 — Шихалиев Ш.Ш. Суфийский шейх сегодня // Этнографическое обозрение. 2006, № 2.
Шихсаидов, 1999 — Шихсаидов А.Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999, № 4.
Ярлыкапов, 2003 — Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе: история и современность // Вестник Евразии. 2003, № 2.
Ярлыкапов, Бобровников, 2006 — Ярлыкапов А.А., Бобровников В.О. Ваххабиты (Северного Кавказа) // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. М., 2006. Т. I.
Bobrovnikov, 2001 — Bobrovnikov V. Al-Azhar and Shari'a Courts in Twentieth-Century Caucasus // Middle Eastern Studies. October 2001. Vol. 37. No. 4.
Islamic Education, 2010 — Islamic Education in the Soviet Union and the Commonwealth of Independent States / Ed. by M. Kemper, R. Motika, S. Reichmuth. L., Routledge, 2010.